

● музыкальные вечера ● музыкальные вечера ●

тель вечера Юрий Михайлович Юрьев вел его сквозь толпу жаждающих попасть на концерт и торжественно говорил: «Дорогу великому артисту!»

И вот он снова едет по весеннему Ленинграду. Он, конечно, стар. Поздно нынче весна. Она разгорается для тех, кто с удочками стоит вдоль гранитных парапетов. Кто обнимается на гранитных спусках к Неве. Покрывает свежей краской лодки и катера на берегу канала. Поздняя весна в Ленинграде! И все-таки он счастлив. Он здоров. Он едет на очередной концерт — на необычный концерт в Дом ветеранов сцены, где слушать его будут сверстники, люди, прожившие, как и он, большую жизнь. Иные из них, наверное, помнят его молодым, слышали его в Москве или Петрограде. Интересно, есть ли там знакомые?

Сегодня, правда, немного давит сердце. Но это пустяк, не стоит обращать внимания. Это бывало и раньше, а последнее время почему-то именно в машине. Сейчас они приедут, и все пройдет.

Машина выехала на Петровскую площадь и свернула направо, к воротам Дома ветеранов.

Говорили, говорили...

Вас ни взять, ни спрятать, ни прогнать.

Надо жить — не надо вспоминать, Чтобы больно не было опять

И чтоб сердцу больше не кричать.

— Вы правы, милый, надо жить — не надо вспоминать, — сказала ему однажды в Париже старая русская балерина, давно и навсегда оставившая родину. Эмиграция мало кому принесла радость и сама наказала отступников самым страшным наказанием, какого не может назначить никакой суд: нестерпимой тоской по родине.

Все это понимали не только советские актеры, писавшие теперь воспоминания, действительно умудренные опытом. Это понимали и те самые «чужие господа» там, за рубежом, куда уехали в эмиграцию некоторые русские художники. «В другом мире, при другой системе ее берегли бы, как драгоценный алмаз, она работала бы только по несколько месяцев в году и танцевала бы не более двух-трех раз в неделю. У нее было бы время и для работы, и для отдыха, и для любви, и для детей, и для трудного искусства быть счастливой». Это написал об Ан-

же надменностью облика. Но ведь сегодняшних слушателей не обманешь и ничего от них не скроешь: каждый из них выходил на сцену тысячи раз.

Какая странная песня! Артист сочинил ее во время турне по Бессарабии, в самом начале своей эмиграции. Ему тогда казалось, что впереди — новая, счастливая жизнь. Но уже тогда подкралась ностальгия, болезнь, от которой не умирают, но от которой не могут вылечить врачи. Какая странная песня! Основные куплеты и припев не ходят в противоречии. Припев бес печен, даже радостен:

И легко мне с душою цыганской

Кочевать, никого не любя!

Но вот кончается припев, и звучат строки, говорящие совсем о другом:

И когда засыпают березы

И поля затихают ко сну,

О, как сладко, как больно

сквозь слезы

Хоть взглянуть на родную страну!

В зале внимательно слушают. Стоит напряженная тишина. Вертинский поет, и перед его глазами встает вечер в Бендерах, на берегу Днестра. Он сидел на камне и всматривался в противоположный берег реки. Там, на той стороне, в России, виднелись маковки церквей, слышен был даже тихий перестрой. У самой реки паслось стадо. По берегу ходил часовой... Как давно это было!

И легко мне с душою цыганской

Кочевать, никого не любя!

Песни сменяют одна другую. Звучит «Пани Ирена», покорившая Польшу, посвященная ее прекрасным женщинам. Старая песня о смерти — «Ваши пальцы пахнут ладамом». Изящная «Маленькая балерина». Знаменитый «Прощальный ужин», который неизменно заставляет каждого вспомнить свое. Трагическая — «В синем и далеком океане». Наконец, «Чужие города»...

Тут шумят чужие города,

И чужая плещется вода,

И чужая светится звезда.

Как в маленькую песню уложить всю жизнь, скитания, невзгоды? Как рассказать всем этим седым людям о травле, поднятой против него савиновской газеткой «За свободу», о враждебном отношении к нему русских эмигрантов, считавших его шпионом, большевистским агентом? Еще в Польше он обратился к советскому послу Войкову с просьбой о возвращении. Тогда в этой просьбе было отказано, несмотря на доброжелательное сопроводительное письмо посла.

Одна песня сменяет другую, и люди в зале видят, слышат, понимают художника.

— Посмотрите, — шепчет в зале старая актриса соседу, — какие выразительные руки!

Великолепна пластика его жеста, руки и впрямь необыкновенно выразительны. «Такого умения владеть руками, таких «поющих рук» я не знаю ни у одного из актеров», — сказал как-то Василий Иванович Качалов.

Еще в Москве, до революции, настроения его песен считали улагодническими. Теперь эти минорные интонации воспринимались как настроение, рожденное тоской по родине.

Впрочем, печаль совсем не единственное настроение его песен. Он поет «Мадам, уже падают листья», и в зале звучит смех. Многие его песни стали микрораспевами, маленькими мюзиклами с драматическим, лирическим или даже комическим сюжетом. Главным в них всегда было слово, музыка — вторична. Музыка может быть хороша, как бы ни была она скромна. А слово должно активно воздействовать на слушателя. Поэтому обычно он — и поэт, и драматург, и актер, и режиссер, и композитор. Им восхищались одни, бранили другие. Но повторить его песни в другом исполнении на таком же уровне оказалось невозможным. Их своеобразие и необычность, навечно соединенные с самим артистом, сохранились в неприкосновенности.

В своих воспоминаниях Вертинский рассказывает о странствиях, о том, как тосковал по родине на берегу Босфора, где на рейде время от времени появлялся старенький пароходик «Решид-паша», который ходил из Константинополя в Одессу. С душевной болью он писал: «...Все пальмы, все восходы, все закаты мира, всю экзотику далеких стран, все, что я видел, все, чем восхищался, — я отдаю за один, самый пасмурный, самый

Ю. АЛЯНСКИЙ

ОБИТАТЕЛИ Дома ждали его с нетерпением. Концерты здесь бывали часто, и в этом не было ничего необычного. По многолетней традиции сюда приезжали показать свои новые работы многие драматические актеры, певцы и чтецы: почти каждый находил здесь своих учителей. Но сейчас ждали артиста, чье имя вызвало особенный интерес каждого. Александр Вертинский — само это имя напоминало иные времена, старые патефонные пластинки, давно ставшие редкостью. Появились даже коллекционеры пластинок Вертинского — они хвалились друг перед другом количеством записей. Были здесь и те, кто помнил и знал артиста лично, был свидетелем его первых шагов на концертной эстраде, осуждал его за отъезд из молодой Советской России и теперь ожидал начала концерта с некоторым настороженным недоверием.

Недоверие касалось и возраста артиста. Здесь, на Петровском острове, знали, что такое возраст. Его подсчитали. Выяснилось, что Вертинскому — шестьдесят восемь. Оказывается, не так уж много. В Доме ветеранов людей этого возраста называют «молодежью». Но еще петь? Как он может петь? И что за жизнь у него за плечами?

Это было, было и прошло,
Все прошло и выюгой замело...

Так, кажется, поет он в своей песне «Чужие города»? Было, было... Было известно, что Вертинский, находясь в период революции в Крыму, примкнул к белой эмиграции и покинул родину, перебравшись в Константинополь. А эти люди, обитатели Петровского острова, не только видели «Дни Турбиных», но некоторые и сами играли в этой пьесе, вместе с Булгаковым пережив трагедию мира Турбиных.

Говорили, что отъезду Вертинского из России предшествовало его знакомство с белым генералом Слашовым, вешателем, палачом. Это была правда. Вертинский знал настоящего, живого Слашова, который в ту же пору сбежал в Константинополь. А эти люди, шедшие теперь слушать артиста, знали Хлудова, героя булгаковского «Бега», — его прототипом был именно тот самый Слашов.

Говорили, Вертинский познакомился где-то с международным вором Вацком и однажды даже воспользовался его поддержкой. И это тоже была правда. А эти люди не раз играли «Интервенция», и среди ее героев — Фильку-анархиста, и воссоздавали на сцене ту историческую атмосферу, через которую ваяв прошел Вертинский.

не Павловой вскоре после ее смерти крупнейший американский театральный антрепренер Сол Юрок.

ВЕРТИНСКИЙ и его аккомпаниатор — замечательный пианист Михаил Брокес прошли по дорожке парка и поднялись по ступеням парадного входа. Их встречали. Вертинский держался очень прямо, светлый английский костюм в крупную клетку сидел на нем превосходно, артист выглядел в нем молодо. Вертинский был сдержан, немногословен, суховат. Кто знает, о чем он думал в эти минуты!

— Покажите нам с Брокесом роаяль, мы попробуем...

Их провели на сцену.

А из дальних корпусов Дома, по коридорам, устланным коврами, шли пожилые дамы и мужчины, одетые нарядно, празднично. Да, для многих из них это был особенный концерт — косвенная проверка своей собственной жизни. Сегодня они увидят итог, к которому пришел один из них. Каков же итог других, каждого из живущих здесь художников?.. Некоторые шли медленно, держась под руку, другие — опираясь на палку, третьи — быстро, упругой походкой, всем своим видом показывая, что они не сдаются.

Слушатели неторопливо расселись — некоторые на свои излюбленные, постоянные места, другие — просто поближе, чтобы лучше видеть и слышать. И концерт начался. Начался концерт, в котором за каждой песней вставало не только удивительное, своеобразное искусство артиста, но и его реальная судьба.

«Идя на концерт Вертинского, я думал, что увижу на эстраде музейный экспонат, нечто вроде живого камергера двора его императорского величества в расшитом золотом парадном мундире. Но все это было далеко не так, хотя внешне он и напоминал римского патриция», — писал после одного из концертов Вертинского в Москве Б. М. Филиппов. Наверное, подобные мысли приходили в голову и некоторым из слушателей, сидевших в концертном зале Дома ветеранов.

А на самом деле было так.

Вертинский вышел на эстраду во фраке, строгий, подтянутый, элегантный, и низко поклонился залу. Раздались аплодисменты. Еще поклон, ниже, чем обычно. Пауза. Брокес берет первые незатейливые аккорды песни «В степи молдаванской»:

Что за ветер в степи молдаванской!

Как поет под ногами земля!

Вертинский волнуется. И пытается скрыть это за внешней сухостью, да-

А. Н. Вертинский.

Я знаю, даже кораблям
Необходима пристань,
Но не таким, как мы, не нам —
Бродягам и артистам!

«Прощальный ужин», песня.

Вертинский сел на переднее сиденье, рядом с шофером. Исаакиевская площадь была в этот весенний вечерний час многолюдна. Сновали машины, притормаживая у го- стиницы, из огромных иностранных автобусов выходили туристы, увешанные фотоаппаратами.

Машина отошла от «Астории», миновала собор, обогнула по краю Дворцовую площадь, промчалась мимо бокового фасада Зимнего, пересекла Неву по Дворцовому мосту. Справа, вдалеке, за чертой набережной, темнел весенней листвой Летний сад. Миновали Стрелку Васильевского острова и выехали на проспект Добролюбова. Старые липы вдоль улицы тихо покачивали ветвями. Листья, как зеленые флажки, открывали дорогу. Вечер незаметно переходил в таинственную белую ночь, которая настигла его здесь повсюду, даже в сумрачных номерах «Астории», лишая сна и покоя.

Сколько чужих городов, сколько чужих площадей и соборов видел он из окон машин за свою жизнь! Но этот город, его прямые проспекты и пологие набережные, его дворцы, башни, решетки и парки он вспоминал часто и в разных концах земли пел о нем, бросая в переполненные концертные залы странно звучащие строки:

Принесла случайная молва

Милые, ненужные слова:

Летний сад, Фонтанка и Нева...

Вы, слова залетные, куда?

Вот они здесь, перед ним, — Летний сад, Фонтанка и Нева, и невозможно не посмотреть на их немеркнущую прелесть. Как он ждал этой встречи!

Нет, он и раньше бывал здесь. Он приехал в Петроград после окончания первой мировой войны, сделавшей его санитаром — немало тогда довелось поработать на фронте, — и поразился контрастам блистательного и сумрачного города на Неве. Тогда почти никто не знал его здесь, и он бродил по набережным, по аллеям Летнего сада, навсегда влюбившись в них. Он заходил — просто так, без цели — в оставленные хозяевами особняки, побывал в Юсуповском дворце на Мойке, одном из красивейших зданий России. На роскошных, наборных паркетах стояли в козлах ружья. Шаги гулко отдавались под высокими сводами величественных залов. В чаше фонтана Мавританского зала валялись кипы бумаг. В очаровательном двухъярусном театре дворца, где пел когда-то Шаляпин, где дирижировал Направник, стоял густой сумрак. Казалось, спектакль окончился и гости разъехались по домам...

Потом он приехал в Ленинград вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Всероссийское театральное общество устроило его вечер в ленинградском Дворце искусств. Устрои-